

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. К. Мосиенко
г. Красноярск, Россия

ОНТОЛОГИЯ И ТЕЛЕОЛОГИЯ ДРУЖБЫ

Аннотация: В статье анализируется феномен дружбы с точки зрения ее онтологического статуса и телеологии. Дружба понимается как комплексный психический и социальный феномен. Автор предлагает двухчастную модель дружбы: первую часть представляет иррациональное ядро дружбы — уникальная психологическая реальность субъективного переживания, вторую часть составляет универсальная, рационально познаваемая периферия дружбы — связанные с ней социальные практики. Каузально дружба определяется как биосоциальная адаптация. Автором выдвигается предположение, что дружба также может быть рассмотрена с точки зрения ее цели. Телеологически дружба понимается автором как будущее благоприятное состояние психического фона человечества.

Ключевые слова: онтология, телеология, дружба, этика, общество, субъект, межличностные отношения.

Информация об авторе: Михаил Константинович Мосиенко — кандидат философских наук, старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, Свободный просп., д. 79, 660041 г. Красноярск, Россия. E-mail: mmk1100@mail.ru

Дата отправки статьи: 26.06.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Феномен дружбы всегда интересовал философов. Дружба является универсальным, повторяющимся опытом многих людей на протяжении тысячелетий. Это одно из тех событий, которые составляют наряду с рождением, любовью, смертью часть экзистенциального каркаса любой индивидуальной судьбы. Иными словами, дружба — это то, что случается с каждым. Одновременно это и то, что обладает достаточной универсальностью, чтобы быть исследованным рассудочно.

Согласно комментарию Ямвлиха Халкидского [7], понятие «дружба» в философский словарь вводит Пифагор. Платон в «Пире» [6, т. 2], а вслед за ним Аристотель в «Никомаховой этике» [2] далее детализируют современное им понимание дружбы. Аристотель отводит описанию дружбы центральное место в своем сочинении: в описываемой им этической системе дружба является регулятором отношений между людьми — формой правильного отношения к другому. Комментируя текст «Этики», Р. Г. Апресян пишет: «Дружба в узком смысле слова — это по сути дела именно те отношения, в которых человек последовательно и до конца проявляет себя как добродетельный» [1, с. 187].

Из текстов «Пира» и «Никомаховой этики» видно, как Платон и Аристотель стремятся приблизиться к сущностному определению дружбы через определения описательные, раскрывающие то, какой бывает дружба, как она проявляется, что ей не яв-

ляется, в каких условиях она может существовать и т. п. Описав таким образом «окрестности» дружбы, античные мыслители, однако, не дают прямого ответа относительно ее сущности, на вопрос о том, *что* это, а не *как* это происходит. Вот, к примеру, как пытается дать ответ на этот вопрос Аристотель: «[Дружба — это] не только нечто необходимое, но и нечто нравственно прекрасное, мы ведь воздаем хвалу дружелюбным, а иметь много друзей почитается чем-то прекрасным. К тому же [некоторые] считают, что добродетельные мужи и дружественные — это одно и то же» [2]. В этом определении видна общая стратегия античных мыслителей, ориентированная на объяснение через атрибуты: нечто *необходимое*, нечто *нравственно прекрасное*. Далее сразу же ввиду очевидной неполноты такого объяснения предпринимается попытка прояснить суть дружбы через эквивалентность ее чему-то другому, уже установленному: добродетельные мужи и дружественные — одно и то же. Однако ни перечисление признаков дружбы, ни попытка поставить знак равенства между «дружбой» и «добродетелью» (это было бы неоправданным расширением понятия «дружба») не являются ее определением, что ясно и самому Аристотелю, поскольку вслед за этим фрагментом он продолжает попытки объяснить дружбу как-то еще, исследовать ее дальше.

Изначально в качестве предварительной работы по определению онтологического статуса дружбы я хотел выделить рационально познаваемое, универсальное ядро дружбы и ее субъективно переживаемую, уникальную периферию, которая не может быть познана рационально из-за необобщаемости. Позже, работая над статьей, я принял обратное решение: считать субъективное переживание ядром дружбы, а то универсальное, что улавливает в ней рациональный исследователь, — ее периферией. К такому решению меня подталкивает исследовательская осторожность: утверждать, что дружба может быть сущностно познана рационально, означает неоправданно расширять познавательные способности разума для решения такой задачи. Выше было продемонстрировано, как стремится дать рациональное определение *сущности* дружбы Аристотель, и ему это не удается, задача вынуждает его ограничиться ее функциональными описаниями. Будучи комплексным феноменом, дружба отчасти является также и переживанием, т. е. феноменом психическим, конкретно-чувственным, а следовательно таким, который не может быть целостно схвачен обобщением. Обобщение (абстрагирование), на наш взгляд, есть неисключимая характеристика рационального исследования.

Итак, в целях исследования определим дружбу как многомерное явление, в котором мы искусственно для удобства рассмотрения выделяем ядро (переживание) и периферию (функции, отношения, типовые ситуации и т. п.). Ядро — уникальный опыт. Периферия — универсальные феномены, манифестации этого опыта. По какой-то причине уникальные переживания порождают типовые ситуации дружбы. Это сам по себе интересный вопрос, который сейчас я оставляю за рамками статьи. Замечу только, что догадки могут быть следующие: либо мой исходный посыл ошибочен и ядром дружбы является неуникальный опыт, либо условия жизни людей таковы, что они всегда позволяют выражаться этим самым уникальным индивидуальным переживаниям в типовых формах, доступных классификации, аналитическому рассмотрению.

Вторая версия кажется мне более правдоподобной: социальная среда — конкретные условия жизни людей (тип экономических отношений, остальная культура) — определяет, в какие устойчивые формы будет «отлито» это изначально неоформленное, спонтанное, «горячее» переживание. Так субъективное, выплескиваясь в пространство социального, попадает в подготовленные формы — в те формы поведения и отношения, которые заранее готовы в обществе для превращения личного в социальное.

Таким образом, персональное переживание оформляется в социальную реальность. Проще говоря, желающий спонтанно и смутно дружить человек, обнаруживает в своей культуре уже готовые «форматы», «образцы» дружбы и начинает реализовывать свое желание в виде них — дружить так, как в этом обществе принято. Например, делать другу подарки, отправлять открытки на праздник, звать его в гости, здороваться на улице и т. п. Этот слой феноменов и есть то, что я назвал рационально познаваемой периферией.

Попробую же познать его рационально. Каков онтологический статус дружбы в целом и каков статус конкретно этой ее части? Можно ли свести определение дружбы к переживанию? Можно ли свести определение дружбы к системе межличностных отношений? Можно ли задать определение дружбы списком ситуаций, которые можно было бы назвать «событиями дружбы»?

Я уверен, что любому исследователю дружбы каждый из этих подходов уже на первый взгляд показался бы односторонним, если не сразу тупиковым. Очевидно, что так не определить дружбу целостно. Поэтому постараюсь определить дружбу комплексно. Дружба — это социально-психологическое явление, состоящее из переживания и порождаемых им межличностных отношений. Необходимо уточнить конкретное содержание частей этого определения.

Определю характер этого переживания: это в первую очередь ощущение естественной тяги, стремления к другому человеку, переживание наслаждения, удовлетворения от близости с ним — общения, командной игры, совместной работы, совместного путешествия, вообще любой кооперации.

Поведенчески это проявляется в стремлении сокращать физическую дистанцию, приближаться, создавать общее пространство (садиться за один стол, приходиться в одну комнату, создавать диалоговую комнату в социальной сети и т. п.).

Функционально (с точки зрения межличностных отношений, которые мы считаем функциям от переживания, свободной воли и социальных норм) дружба проявляется как устойчивые связи между субъектами: два и более человека, во-первых, осознают свою дружбу, могут отдать себе в ней отчет и отчет стороннему наблюдателю — ответить, например, на вопрос, друзья они или нет. Такие люди готовы вернуться к дружескому общению даже после долго отсутствия общения. Этот факт более всего демонстрирует, что дружба с функциональной точки зрения — это не набор ситуаций, а связи, причем обладающие достаточной устойчивостью. В этом смысле дружба имеет «память».

Я нахожу красивым сравнение силы дружбы с силой радиосигнала: дистанция, погодные условия, радиопомехи, плотность застройки и тому подобные факторы влияют на силу и саму доступность сигнала. Подобно этому дружба может ослабевать и усиливаться от прекращения или наращивания общения, от событий совместного опыта, благодаря новой информации и т. п. Обладая самостоятельной силой, зависящей, на мой взгляд, от силы исходного переживания, хотя это и не бесспорно, дружба в то же время не существует изолированно от внешнего мира — социального и физического. В этом смысле я не склонен понимать дружбу метафизически, хотя вопрос о метафизическом основании самого импульса к дружбе, на мой взгляд, остается открытым. В этой связи я хотел бы перейти к следующей части рассуждения о дружбе: является ли дружба каузальным или телеологическим событием?

С одной стороны, этот вопрос прямо относится к поставленной выше задаче прояснения онтологического статуса дружбы, с другой же стороны, он помещает ис-

следователя в пространство совсем нового рассуждения. Постараюсь уравновесить два этих направления мысли.

О том, как дружба является только каузальным событием (т. е. таким, в отношении которого можно пытаться отвечать на вопрос «Почему?»), но бессмысленно отвечать на вопрос «Зачем?»), убедительно пишут биологи и психологи эволюционисты. Приведу слова этолога К. Лоренца, хорошо суммирующие их взгляды: «Агрессия некоего определенного существа отводится от второго, тоже определенного, в то время как ее разрядка на всех остальных сородичей, остающихся анонимными, не подвергается торможению. Так возникает различие между другом и всеми остальными, и в мире впервые появляется личная связь отдельных индивидов. Когда мне возражают, что животное — это не личность, то я отвечаю, что личность начинается именно там, где каждое из двух существ играет в жизни другого существа такую роль, которую не может сразу взять на себя ни один из остальных сородичей. Другими словами, личность начинается там, где впервые возникает личная дружба» [4, с. 72].

Таким образом, каузально дружба — это биосоциальная адаптация. Почему дружба? Потому что она является полезной адаптацией, которая долгое время помогала человечеству эффективно выживать, поэтому закрепилась отбором и продолжает им поддерживаться. Едва ли сегодня кто-то всерьез полагает, что при текущем устройстве мира умение дружить действует вразрез с отбором. Естественный отбор благоволил способным к дружбе до сих пор, примеры этому мы находим в самых разных обществах, в том числе и в современном российском [8]. Это был ответ на вопрос «Почему?».

Мне, однако, кажется недостаточным закончить исследование дружбы этим вопросом, потому что он не финальный, а отправной. Философски более ценным было бы дать ответ на вопрос «Зачем дружба?» или хотя бы предпринять попытку приближения к такому ответу.

Попытка воспринять дружбу телеологически, как естественную тягу к чему-то, по контрасту с давлением причин, с неизбежностью порождающих проистекание явления из-за чего-то, наталкивается на ряд препятствий: во-первых, история исследования каузальности — история науки, здесь у человечества уже накоплен некоторый достоверный опыт, тогда как исследования телеологической связи — область метафизики, теологической или какой-то еще, и в данном случае мы не можем опереться на эксперимент, оставаясь в поле философской спекуляции.

Попытаюсь порассуждать о дружбе спекулятивно: если принять за истинное утверждение, что дружба устремлена к какой-то цели, что ее подлинная причинность лежит в будущем, а не в тех условиях, которые ее формируют сейчас и наблюдаемы нами, что можно предположить о такой цели? Первый вопрос, который встает здесь, это вопрос о целеполагателе, субъекте цели. В развертывании чьего плана такая цель служит пунктом? Обычно телеологические ответы — это ответы религиозные. Божественный замысел стоит за такими построениями в философских рассуждениях. В менее схоластических и более мистических версиях теологического рассуждения обычно постулируется нечто о бессубъектном замысле: судьбе, мировом законе. И тем не менее они пронизаны целесообразностью.

Можно сделать допущение, что телеологический взгляд на мир говорит нам больше о природе человека, чем о природе мира: наше познание работает таким образом, чтобы вычленять закономерное, а закономерное в свою очередь часто переживается нашей психикой как целесообразное. Подобное соображение могло бы сразу

отметать все дальнейшие рассуждения о телеологическом характере дружбы как излишний антропоцентризм в познании, заблуждение, вызванное устройством наших познавательных способностей.

Я полагаю, что такое допущение не является обоснованным и вот почему: человеческие познавательные способности сформировались эволюционно в качестве адаптации к этому миру — они не возникли изолированно, не появились в каких-то чуждых, не согласующихся с этим миром условиях. Таким образом, они успешно адаптированы к этому миру. Это было бы невозможно, если бы они не отражали его адекватно. В этой связи телеологичность нашего взгляда на многие события — в их числе и на дружбу — не кажется мне изъяном нашей познавательной способности, но важным симптомом чего-то нами еще недостаточно осмысленного теоретически, существующего в виде неструктурированного, интуитивного опыта. Проще говоря, мы все интуитивно подозреваем цель, но не можем ничего сказать о ней рационально.

Такая немота в этом отношении сама по себе примечательна и достойна отдельного исследования, но нас интересует в первую очередь не она сама, а то, на что она указывает, — то место, где в нашем рациональном рассуждении происходит запинка и оно не смеет следовать дальше: либо вообще, либо честно и прямо, вынужденное из-за этого пробираться окольными путями, кружа вокруг важного содержания, но не приближаясь к нему достаточно.

Чтобы разомкнуть этот нездоровый процесс, выскажу несколько соображений о телеологии дружбы предельно прямо и просто. Предположение первое. Дружба может быть частью божественного замысла — нового психического состояния человечества. Это могло бы объяснить ее особую притягательность не с точки зрения причинности, но с точки зрения цели. Ведь не все биологически целесообразное является одновременно и таким заманчивым для человека. Дружба, однако же, является своего рода психологическим лакомством.

Предположение второе. Если религиозные догадки человечества неверны, иными словами, бога и его замысла не существует, возможно, есть некоторая первичная метафизическая реальность, делающая для людей дружбу целью. Как можно было бы назвать такую реальность? Мировым законом, неравным закону природы, судьбой, исторической закономерностью, дао, мировой волей — человечество уже придумало ей много имен и, видимо, придумает еще.

Порассуждав таким образом о дружбе не с естественнонаучных, а с метафизических позиций, попробую высказать догадки о том, в чем может быть смысл такой целесообразной дружбы как для самих людей, так и для высшей реальности, которая влечет этой ценностью.

Смысл для людей может заключаться в переживании блаженства. Я не буду проводить тонкий анализ во многом близких слов, просто перечислю их списком, как если бы они передавали что-то нерасчлененное: блаженство, счастье, удовольствие, наслаждение. Для людей ценность таких переживаний самоочевидна, они поэтому относятся к невербализуемым смыслам человеческого существования, к чему-то, что переживается людьми как осмысленное и на уровне тела, и на уровне сознания, и к чему люди стремятся. Такова природа многих ценностей: они переживаются как наслаждение при приближении к ним, поэтому люди льнут к дружбе, добру, справедливости, любви, мудрости, силе, как растения к свету.

Сложнее высказать хотя бы догадку о том, в чем смысл этой ценности для высшей реальности. Частью какого плана дружба может являться? Можно ли вообще рас-

суждать в терминах человеческого плана и целеполагания о плане и целеполагании, далеко от понятного нам посюстороннего планирования? Предположим, что дружба может являться новым благоприятным психологическим фоном человечества, противопоставляемым ощущению разобщенности, Гоббсовской войны всех против всех. Возможно, цель дружбы в наращивании самой дружбы, которая может оказаться настолько самоценной в своем полном и подлинном выражении, что мы еще не можем этого представить. Возможно и то, что дружба станет переходным этапом к какому-то новому психическому фону жизни людей, о котором сегодня мы не можем высказать и догадки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Апресян Р. Г.* От «дружбы» и «любви» к «морали»: об одном сюжете в истории идей // *Этическая мысль*. 2000. № 1. С. 182–194.
- 2 *Брагинская Н. В.* Аристотель. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984.
- 3 *Кон И. С.* Дружба. 4-е изд. СПб.: Издат. дом «Питер», 2005. 330 с.
- 4 *Лоренц К.* Агрессия: (так называемое «зло»). СПб.: Амфора, 2001. 349 с.
- 5 *Маковецька В. А.* Феноменология дружбы в культуре // *Аналитика культурологии*. 2014. № 29. С. 67–73.
- 6 *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
- 7 *Халкидский Я.* Жизнь Пифагора. М.: Новый Акрополь, 2014. 140 с.
- 8 *Хархордин О. В.* Дружба: классическая теория и современные работы // *Дружба: очерки по теории практик*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 11–47.
- 9 *Шохин В. К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
- 10 *Юркова Е. В.* Социально-психологические исследования дружбы // *Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции*. 2009. № 3. С. 96–101.

***

© 2018. Mikhail K. Mosienko
Krasnoyarsk, Russia

ONTOLOGY AND TELEOLOGY OF FRIENDSHIP

Abstract: The author analyses the ontological status and teleology of friendship viewed as a complex psychological and social phenomenon. The paper is to suggest a two-part model of friendship: the first part is an irrational core of friendship — unique psychological reality of subjective experience, the second part is a universal, rationally cognoscible periphery — social practices of friendship. Causally friendship is defined as a bio-social adaptation. The author hypothesizes that friendship can also be examined in teleological terms — from the perspective of its purpose. From this point of view friendship is perceived as a desirable state of humanity's psychological frame in future.

Keywords: ontology, teleology, friendship, ethics, society, subject, interpersonal relationships.

Information about author: Mikhail K. Mosienko — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Siberian Federal University, Svobodny Prospekt, 79, 660041 Krasnoyarsk, Russia. E-mail: mmk1100@mail.ru

Received: June 26, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Apresian R. G. Ot “druzhy” i “liubvi” k “moral’”: ob odnom siuzhete v istorii idei [From “Friendship” and “Love” to “Morality”: on one case in the history of ideas]. *Eticheskaiia mysl'*, 2000, no 1, pp. 182–194. (In Russian)
- 2 Braginskaia N. V. Aristotel'. Nikomakhova etika [Aristotle. Nicomachean ethics]. *Aristotel'. Sochineniia: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 4 vols.] Moscow, Mysl' Publ., 1984. (In Russian)
- 3 Kon I. S. *Druzha*. 4-e izd. [Friendship. 4th ed.]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 330 p. (In Russian)
- 4 Lorents K. *Agressiia: (tak nazyvaemoe “zlo”)* [On Agression: (the so-called “evil”)]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2001. 349 p. (In Russian)
- 5 Makovets'ka V. A. Fenomenologiiia druzhby v kul'ture [Phenomenology of Friendship in Culture]. *Analitika kul'turologii*, 2014, no 29, pp. 67–73. (In Russian)
- 6 Platon. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. (In Russian)
- 7 Khalkidskii Ia. *Zhizn' Pifagora* [Pythagoras' Life]. Moscow, Novyi Akropol' Publ., 2014. 140 p. (In Russian)
- 8 Kharkhordin O. V. Druzha: klassicheskaiia teoriia i sovremennye raboty [Friendship: Classical Theory and Modern Works]. *Druzha: ocherki po teorii praktik* [Friendship: Essays on Practices Theory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v St. Peterburge Publ., 2009, pp. 11–47. (In Russian)
- 9 Shokhin V. K. Filosofiiia tsendostei i ranniaia aksiologicheskaiia mysl' [Philosophy of Values and Early Axiological Thought]. Moscow, Izdatel'stvo RUDN Publ., 2006. 457 p. (In Russian)
- 10 Iurkova E. V. Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniia druzhby [Social and Psychological Studies of Friendship]. *Sovremennye problemy psikhologii sem'i: fenomeny, metody, kontseptsii*, 2009, no 3, pp. 96–101. (In Russian)